

Файвиш Аронес

«Вайеги – ун гевен из...» — «И было...»

Издано в Израиле в 1978 году

Сборник включает в себя стихи-песни, написанные Файвишем Аронесом в исправительно-трудовом лагере строгого режима, куда был сослан после ареста в 1949 году по так называемому Биробиджанскому делу, а также воспоминания артиста. Здесь публикуется прозаическая часть книги. Перевод с идиша — Елены Сарашевской.

Вместо предисловия

К Файвишу Аронесу — еврейскому мастеру сцены, который вот уже седьмой год живет в Израиле, я тянусь всем своим существом. Я всегда рад его видеть, и нам всегда есть о чем поговорить, и понятно почему — нам пришлось пройти по одному и тому же нелегкому жизненному пути.

Сорок пять лет назад мы жили в Минске, и каждый по-своему были причастны к строительству советской еврейской культуры. Спустя годы мы вместе бедовали в Биробиджане, где поддерживали едва теплящееся советское еврейство, за что нас щедро «наградили», бросив в одиночные камеры хабаровской тюрьмы МГБ. Потом мы голодали,

калели от холода на восточно-сибирской каторжанской трассе Чита — Братск и носили на груди и спине номера заключенных Тайшетлага. Пережив это, мы стали крепче железа. В свои 80 лет Файвиш Аронес сохраняет крепкую память. Она подобна дому со всеми его жильцами, соседями и всем их добром, и каждая вещица, каждый узелок, каждая мелочь — зримые, родные, милые сердцу.

За спиной Файвиша Аронеса 60 артистических лет. Он помнит в мельчайших подробностях не только все спектакли, в которых играл главные роли (шолом-алейхемовского «Тевье-молочника», Менахема-Мендла из «Агентов», роль бадхена в «На покаянной цепи» И.-Л. Переца, Гоцмаха в гольдфаденовской «Колдунье», Маршалека в «Бойтре» Кульбака и многие другие). Он хранит в памяти репетиции всех спектаклей, в которых играл даже эпизодические роли. Он был предан сцене душой и сердцем. Испытывая огромный трепет перед точностью и красотой каждой еврейской фразы, слова, выражения — в духе наших мудрых проницательный литературных праотцов Менделе, Шолом-Алейхема, Переца, — Аронес всегда был врагом халтуры, безвкусицы в еврейском театре, ослабления классического еврейского творчества. Актер высокого уровня и одновременно простой, честный человек, без мишуры и снобизма.

Аронес родился в Двинске. Он не только земляк великого Михоэлса, но и, по всем статьям, — преданный ученик и последователь до сегодняшнего дня.

Мне очень импонирует натура, характер Аронеса. Оставаясь всю жизнь актером, режиссером, сценаристом (еще в 1920-е годы он вместе с Изи Хариком и Хаче

Добрушиным поставил в Минском ГОСЕТе спектакль «Праздник в Касриловке» по Шолом-Алейхему), Аронес не позволяет себе и тени печали, уныния, безнадежности по отношению к еврейскому искусству, еврейскому театру, судьбе нашего мамэ-лошн. Он не носится как курица с яйцом с уже набившей оскомину старой пессимистической песенкой — «Что же будет после нас, кто будут наши преемники?». Огромная, страстная любовь к своему театральному прошлому у Аронеса и сегодня на главном месте. Сочные и яркие, его молодые годы окрыляют актера, ободряют, освещают дни его старости. И этим, и своей искренней, неисчерпаемой любовью к еврейскому театру, к нашему мамэ-лошн, он заставляет нас задуматься, и будто говорит с доброй усмешкой: «Не мелите, простите меня, чепуху. Наш идиш, наш мамену-лошн — вечен».

Не помню, писал ли я когда-либо рецензию на еврейский спектакль. Я не записывал свои впечатления о игре еврейского актера, но мне не нужно прилагать усилий, чтобы вспомнить Аронеса на сцене. Я закрываю на мгновение глаза и ярко вижу, с какой восхитительной легкостью Аронес будто парит над сценой в роли гольдфаденовского Гоцмаха, ясно слышу, как он произносит сладкие еврейские слова, они звучат у меня в ушах, как серебряные колокольчики на его бубне: «Скажите, дети, вслед за мной: Гоцмах наш слепой».

И все же мне хочется привести здесь отзывы об актерском мастерстве Аронеса. Много лет назад известный советский кинорежиссер Григорий Рошаль писал о спектакле «Тевье-молочник» (постановка народного артиста Казахской ССР, заслуженного артиста РСФСР Мойше Гольдבלата): *«Спектакль полон шолом-алейхемовского очарования. Очень хорош Аронес в роли Тевье. Этот несчастный отец прекрасных дочерей, чья судьба так трагична, этот вечный труженик и философ, наивный мудрец, который так любит жизнь, такой гордый, непримиримый, справедливый, — в исполнении Аронеса это настоящий живой человек».*

Замечательная еврейская поэтесса Х. Пятигорская, с которой я был знаком еще в молодые годы в Киеве, вот что написала об игре Аронеса:

«Тевье в исполнении Аронеса не шутник, каким его часто представляют, а человек глубоко сопереживающий, глубоко чувствующий, и в то же время человек крепкий, который не ломается под ударами мачехи-судьбы. Это человек, глубокими корнями связанный с жизнью. Аронес в роли Тевье очаровывает зрителя способностью передать в целой гамме интонаций разные чувства Тевье».

Биробиджанский еврейский критик Нохем Фридман высоко оценил игру Аронеса в роли Гоцмаха в гольдфаденовской «Колдунье». *«С первого мгновения, как только на сцене появляется Гоцмах, он приковывает внимание зрителей. Гоцмах — человек из народа, жизнелюб, находит выход из любого положения, он непримиримый борец со злом, весельчак и остряк. Где Гоцмах — там радость и добрый смех. Он тебя не продаст, не выдаст. Артисту Аронесу удалось создать совершенный образ».*

Примечательно, что он и в жизни такой — частицу характера Гоцмаха он несет в себе, в своем сердце, плоти и крови. Представляя нам Гоцмаха, Аронес представлял и себя. В ужасных условиях сталинских лагерей, день и ночь под дулом автомата, за высокими заборами, увенчанными тремя рядами колючей проволоки, под «присмотром» собак-волкодавов, выполняя тяжелейшую работу на лесоповале, зимой в 50-градусный мороз, а летом в страшную жару, когда потное тело нещадно жрут комары, имея возможность только раз в полгода написать письмо родным — в таких условиях Файвиш Аронес

оставался преданным образу Гоцмаха: непримиримый борец со злом, настоящий человек из народа, жизнелюб, который находит выход из любого положения, и не продаст и не выдаст тебя. Он, в то время почти 60-летний, не мог скрыть своей глубокой ненависти к ярым антисемитам — сталинским злодеям. Будучи непрофессиональным поэтом, он сердцем написал эти горькие песни мести на мамэ-лошн.

24 стихотворения — вопли боли, собранные в отдельную книжицу под заголовком «Вайеги – ун гевен из...» — «И было...», которые Аронес сочинил за колючей проволокой, точнее, он пропел их, чтобы слова сильнее отпечатались в памяти, на мотив популярных еврейских и русских народных мелодий (потому что записать их на бумагу означало получить за это пулю). Я думаю о них и вспоминаю, с каким интересом я, маленький мальчик, читал сборники народных еврейских песен, многочисленные печальные песни о хаперах, кантонистах, о рекрутчине, песни о разлуке и расставании. Красочно, трогательно в этих глубоко правдивых текстах отражалась жизнь нашего народа со всеми его радостями и страданиями.

Таковы и лагерные стихи Файвиша Аронеса, переполненные человеческими страданиями, болью, и в то же время надеждой, неистребимой верой в справедливость, в победу правды и свободы. Эта книга — еще одна важная глава в коллекции еврейских народных песен. Они дополняют, делают ярче образ талантливого еврейского актера, многолетнего строителя еврейской культуры, гордого, жизнерадостного, искреннего, доброго Файвиша Аронеса, которому я желаю еще многие годы оставаться таким смелым, стойким, деятельным, как сегодня.

Хаим Мальтинский,

Ор Йехуда

13.03.1978

Не подлежит забвению

Страшная новость о том, что Шлойме Михоэлса больше с нами нет, стала известна в Биробиджане утром 14 января 1948 года.

В телеграмме из Москвы в редакцию газеты «Биробиджанер штерн» сообщалось: «В ночь на 13 января 1948 был убит Соломон Михайлович Михоэлс».

Эта весть прозвучала для нас как гром среди ясного неба.

В редакцию «Биробиджанер штерн» собрались артисты БирГОСЕТа, писатели, учителя и другие деятели еврейской культуры города.

Все сидели в полнейшем молчании, потрясенные известием.

Мы ждали ответ на запрос, который редакция направила в Москву в газету «Эйникайт». Ответ пришел два часа спустя, то есть в 12 часов дня. В телеграмме из Москвы говорилось: «Михоэлс погиб в результате автомобильной катастрофы». И все...

В молчании, с опущенными головами мы все разошлись...

Мы понимали, что это «официальная версия». Никто из нас, разумеется, не верил в эту «официальную версию» о причине смерти Михоэлса. Но... Мы должны были молчать. Настоящая причина его гибели стала известна годы спустя.

Шлойме Михоэлс (Вовси), видный общественный деятель, председатель Еврейского антифашистского комитета СССР, великий еврейский актер был убит в Минске по приказу Сталина 13 января 1948 года.

Зверское убийство Михоэлса стало сигналом для сталинских сатрапов к окончательной ликвидации еврейской культуры и ее деятелей в СССР.

И это не подлежит забвению!

Погром в Биробиджане

В начале лета 1949 года в Биробиджане состоялось партийное собрание, на которое из Хабаровска прибыла большая группа сотрудников госбезопасности во главе с дальневосточным руководителем МГБ Гоглидзе.

На повестке: отчет областного партийного руководства о своей деятельности. Отчитывался первый секретарь обкома Александр Бахмутский.

Гоглидзе обвинил еврейских коммунистов Биробиджана во главе с Бахмутским в том, что они хотели превратить Биробиджан во «второй Израиль».

По итогам этого собрания целая группа партийных руководителей была отстранена от работы и арестована.

Через некоторое время прошло второе, «экстренное» собрание биробиджанской еврейской интеллигенции, на котором присутствовал секретарь хабаровской региональной писательской организации Рогаль, который держал «пламенную речь» и обвинил биробиджанских еврейских писателей и деятелей культуры в том, что они «буржуазные националисты и агенты мирового сионизма и американского империализма».

После этого собрания были арестованы поэтесса Люба Вассерман, писатели Бузи Миллер, Гешл Рабинков и Исроэл Эмиот.

Пятого октября 1949 года появился приказ о ликвидации Биробиджанского государственного еврейского театра им. Лазаря Моисеевича Кагановича. Вечером того же дня ко мне домой пришли четверо, показали ордер о моем аресте как «врага народа». После обыска мне позволили попрощаться с женой и 12-летним сыном, и меня этапировали в хабаровскую тюрьму, где уже находились ранее арестованные биробиджанские еврейские писатели. Вскоре были арестованы биробиджанские писатели Нохем Фридман, Хаим Мальтинский (офицер, участник войны, который в результате ранения потерял обе ноги, живет сейчас в Израиле), а также пожилой еврейский писатель Бер Слуцкий.

Не буду подробно описывать семь кругов ада, через которые я и мои товарищи прошли в тюрьме. Первые допросы, крики, обвинения, унижения, издевательства... Все для того, чтобы сломить политарестанта морально и физически... Нужно обладать стальными нервами и железным характером, чтобы не сломаться под пытками.

Первое время мне казалось, что это происходит только со мной, потому что я, должно быть, попал, к несчастью, к плохому следователю. Но позже, уже в лагерях, я узнал, что то же самое они проделывали с видными учеными, большими партийными деятелями. Режим в закрытых тюрьмах СССР везде одинаковый, от Биробиджана до Москвы и от Минска до Владивостока.

*

В чем обвиняли писательскую группу, к которой принадлежал и я? Сначала в том, что мы стремились добиться для ЕАО статуса самостоятельной советской республики, и в соответствии со сталинской Конституцией, согласно которой все советские республики имеют право свободного выхода из СССР, мы планировали воспользоваться этим правом и присоединиться к Америке...

На наш вопрос о том, как это можно осуществить географически — Биробиджан находится на Дальнем Востоке, а Америка далеко на Западе, — следователь, хитро подмигнув, ответил: «Евреи, когда захотят, все могут». Смешно, не правда ли?

В той ситуации, в которой мы находились, нам было не смешно.

Никто из нас не подписал это обвинение.

Через пару дней нам объявили, что обвинение аннулировано.

Против нас выдвинули обвинения в буржуазном национализме, сионизме и антисоветизме.

В Сиблаге

Однажды утром, в последние дни августа 1950 года, в арестантском вагоне поезда «Хабаровск — Москва» в Тайшет были доставлены три «опасных политических преступника»: биробиджанская еврейская поэтесса Люба Вассерман, биробиджанский еврейский поэт Исроэл Эмиот и я, Файвиш Аронес, актер БирГОСЕТА им. Лазаря Моисеевича Кагановича. Нас обвинили в сионизме, буржуазном национализме и антисоветизме, приговорили к 10 годам ИТЛ строгого режима в лагерях сибирского Озерлага.

Из вагона, который стоял на высокой насыпи, нас выпихнули прикладами. Буквально вывалившись из вагона, мы «расцеловались» с «гостеприимной» сибирской землей. Нас тут же впихнули в кузов грузовика, в котором перевозили уголь, и приказали сесть у заднего борта и завести руки за спину.

Двое охранников с автоматами и собакой встали у кабины. Нас предупредили, что, если попытаемся бежать, нас застрелят.

От станции до лагеря было чуть больше десяти километров. Но так как сибирские тракты усеяны ямами и камнями, то за время пути из нас вытрясли всю душу. Особенно тяжело пришлось Любе Вассерман, которая болела и очень плохо себя чувствовала. К тому же охранники всю дорогу «развлекали» нас антисемитскими шуточками и анекдотами про Абг'ама и Саг'у.

Наконец мы прибыли в лагерь. Один из наших «сопровождающих» спрыгнул с машины и отправился в дежурку у ворот. Вскоре оттуда вышел офицер и несколько

солдат. Нам приказали спрыгнуть с машины. Я было попытался открыть борт, но тут же получил прикладом по руке. Мы, трое немолодых людей, вынуждены были спрыгнуть с грузовика под ржание советского офицера-коммуниста и его солдат-комсомольцев.

Приказав нам встать в ряд и завести руки за спину, офицер обратился к солдатам:

— Посмотрите на них. Эти предатели нашей Родины, эти выродки хотели превратить Биробиджан во второй Израиль и продать его американским империалистам.

После этого «приветствия» нас загнали в ворота знаменитой тайшетской пересылки, откуда арестованных рассылали по лагерям Сиблага на трассе Тайшет — Братск.

Любу Вассерман увели в единственный женский барак, а меня и Эмиота — в один из многочисленных мужских барачков. Уже через пару часов по лагерю разнеслась весть, что привезли из Биробиджана двух еврейских писателей и еврейского актера. В те дни в лагере находилось большое число заключенных-евреев, которые пришли к нам знакомиться. Меня удивило, что почти все евреи знали, кто я такой, откуда я и почему арестован. Оказалось, что один из них работал в лагерной конторе, и у него была возможность прочитать наши документы, прибывшие вместе с нами. Среди них был молодой мужчина по фамилии Цивьян, бывший офицер Советской Армии, на войне ему прострелили обе ноги, и он остался инвалидом. Сидел он за буржуазно-националистические высказывания. Познакомился я и с двумя молодыми еврейками Камиллой и Ривкой, уже «старыми» лагерницами. В 1940 году, когда советские войска вошли в Бессарабию, всю семью Камиллы выслали из Черновцов и отправили в Сибирь, где против девушки завели дело, обвинили в сионизме и дали 10 лет лагерей строгого режима. Вторая, Ривка, имела неосторожность посетовать, что не уехала перед войной в Израиль. За эти слова ее осудили на пять лет. Камилла была портниха, шить она научилась уже на зоне. Ривка была шляпница, и они обе обновляли гардероб женам лагерных офицеров, бесплатно, разумеется.

Нам с Эмиотом «повезло». Старший над нами, армянин, бывший офицер, сидел за то, что, будучи тяжело раненным, попал в плен к немцам. За это он у себя на родине получил 15 лет за «шпионаж». Когда он узнал, что я актер, а Эмиот — писатель, он назначил нас на легкие работы. Эмиоту предстояло убирать барак, а мне мастерскую в рабочей зоне. Таким образом, я дважды в день встречался с Камиллой и Ривкой — утром, на разводе на работу, и вечером, когда нас приводили обратно в зону, где находились бараки.

Я не буду здесь подробно описывать жизнь в лагерях. Об этом уже подробно написано и у Солженицына, и у многих других авторов. Расскажу лишь о трех встречах с чудесной доброй девушкой Камиллой.

Должен признаться, что в те дни, о которых я здесь повествую, выглядел я ужасно. От моих 69 килограммов после года в хабаровской тюрьме осталось 52. Одежда моя сильно истрепалась. Настроение было подавленное. Я был угнетен и потерян. Связи с семьей и родными у меня не было. Вот в таких обстоятельствах Камилла взялась опекать меня. Узнав о том, что с тех самых пор, как меня арестовали, мне ничего неизвестно о судьбе жены и сына, она стала ободрять меня, советовать, как себя вести в лагере. Точнее — в лагерях, потому что из Тайшетлага заключенных распределяли по другим лагерям, расположенным на трассе Тайшет — Братск. Каторжным трудом эков прокладывалась железная дорога из Тайшета в Братск, где начиналось строительство большой Братской ГЭС. Камилла внушала мне, что я не должен сдаваться. «Возьмите себя в руки. Вы обязательно найдете свою семью, вы еще будете танцевать на свадьбе сына, — говорила

она мне. — Вы снова будете работать в своем любимом театре. Вы еще вспомните мои слова...» Когда я ответил ей на украинском пословицей: «Пока солнце взойдет — роса очи выест», Камилла сказала: «А вы закройте глаза и стисните зубы, держите голову выше. Мы все это переживем, — кричала она. — У нас все будет хорошо! Должно быть хорошо!»

Должен подчеркнуть, что Камилла обладала сильным характером. После всех пережитых ею ужасов, о которых можно написать роман, она находила мужество не только самой сохранять силу духа, но и поддерживала других, помогала страждущим.

Это было в августе 1950-го, в Тайшете. Я провел в транзитном лагере 12 дней, после чего оказался в лагункте № 0-38. О Камилле и Ривке я больше ничего не слышал.

Памяти Шлойме Михоэлса

13 января 1953 года. Прошло пять лет после убийства Михоэлса. Я нахожусь в лагункте 033. 13 января, к пятой годовщине трагической смерти Михоэлса, в газете «Правда» была напечатана печально известная клеветническая статья «Убийцы в белых халатах».

В лагере 033 нас несколько десятков евреев. Настроение у нас было очень подавленное. До нас дошли слухи, что готовится открытая экзекуция над арестантами-врачами, готовят вагоны, чтобы вывезти евреев СССР глубоко на север, в тайгу. Мы сильно переживали за судьбу наших родных. Нееврейские арестанты относились к нам по-разному. Большинство были к нам настроены дружелюбно. Были даже те, кто нам сочувствовал. Был такой случай. Мы, несколько евреев, стояли в углу барака и тихо разговаривали. К нам подошел старый лагерник, русский священник, которому было 82 года. Звали его отец Николай. Сидел он за то, что назвал патриарха жуликом. Подойдя, он пожал нам всем руки и сказал: «Знайте, братья-евреи, что если Сталин добрался до вас, евреев, это знак, что его конец близок, потому что ваш Б-г этого не простит...» Его пророчества сбылись, через три месяца Сталина не стало.

В тот вечер, после поверки, мы забились в уголок, чтобы отметить пятую годовщину смерти Шлойме Михоэлса. Проскуровский ребе, реб Шолэм-Носн Маргулис, который был среди нас, тихо произнес кадиш, а я прочел мое стихотворение, посвященное Михоэлсу, которое я сочинил в лагере, за колючей проволокой.

Примечание переводчика. Это стихотворение перевел на русский язык израильский писатель, поэт, журналист Ефим Гаммер:

Минск мой безмолвный,
груда камней,
Груда могильных плит.
В городе мертвых утраты больней —
Шлойме Михоэлс убит.
Город безмолвных могильных плит
Страхом насквозь продут.
Камни безмолвны,
но сердце кричит
В надежде на Божий суд.

Но много ли проку
в надежде той,
Если она слепа?
Шлойме Михоэлс,
всеобщей судьбой
Стала твоя судьба.

Сибирские встречи

Александр Солженицын. Разумеется, многие из вас читали его книгу «Один день Ивана Денисовича». Это произведение большого русского писателя производит на читателя очень сильное впечатление. Особенно на того, кто не был там. Я, тот, кто отбыл в Озерлаг две тысячи триста дней, хочу заметить, что тот самый один день Ивана Денисовича не был самым худшим днем. Бывали дни намного хуже, гораздо тяжелее и ужаснее... Да, страшное было время... Но не об этом я хочу вам поведать, а о встречах с разными людьми в этих лагерях.

В Озерлаг я познакомился с ленинградским профессором Виктором Морицевичем Штейном. Экономист, китаевед, он преподавал в Ленинградском университете, а в двадцатые годы был финансовым советником при правительстве Чан Кайши. В лагере работал уборщиком в рабочей зоне. Так вот, в своих лекциях он иногда цитировал японского генерала Хата Хикосабуро. Однажды утром, после побудки, открывает профессор глаза и видит на соседних нарах нового зэка, которого доставили ночью. Что бы вы думали? Оказалось, это и есть тот самый Хата-сан. Как он попал в Озерлаг? Хата Хикосабуро возглавлял штаб Квантунской армии в Маньчжурии, был взят в плен частями Советской армии и осужден военным трибуналом. Так встретились в лагере советский профессор и японский генерал.

В сибирских лагерях я встречал много разных интересных личностей: профессора Штейна из Ленинграда, профессора Марголина из Москвы, профессора Дашковского из Харькова, еврейского композитора Береговского из Киева, еврейского и русского писателя Александра Исбаха из Москвы, моего замечательного друга Вулю Мирлина из Риги, известного сиониста, который отсидел в сталинских лагерях 14 лет и вышел глубоко больным человеком. Через короткое время после освобождения умер. Я был в лагере вместе с профессором Иосифом Бергером-Барзилайем, который много рассказывал нам о чудесном городе Иерусалиме и своими рассказами поднимал нам дух. Он был секретарем палестинской коммунистической партии. Приехал в Москву, где был назначен представителем палестинской коммунистической партии в Коминтерне. Его арестовали в 1935 году, а на свободу он вышел в 1956-м. В 1972 году, когда я приехал в Израиль, мы встретились и долго вспоминали о годах в Сиблаге.

Встречал я в лагере и черновицкого писателя Мойше Альтмана, харьковского раввина, проскуровского ребе и еще многих других.

Особенно хочется рассказать об одном еврее, которого звали Хананья Губель. Бывший коммунист. Умный, добрый человек, гордый еврей. В тридцатые годы его арестовали и сослали в лагерь на 10 лет за то, что еще по молодости, в 1920-е годы, проголосовал на студенческом собрании за троцкистскую резолюцию. Его жену тоже арестовали и тоже вlepили десятку за то, что не донесла на мужа. Когда Хананья отмотал свой срок, на него завели новое дело за прежнее прегрешение — троцкизм, и снова присудили 10 лет. Такие явления в советских лагерях были системой. С Хананьей Губелем

мы крепко сдружились, и вместе с Вулей Мирлиным мы составили «троицу» — «а мезумен»¹. На момент нашего знакомства Хананья отсидел уже 18 лет в лагерях Воркуты, Колымы, в Александровском центре, в Сибири. Здесь его настигло еще одно несчастье — ему сообщили, что жена, отсидев свою десятку и освободившись, узнала, что мужу дали новый срок. Душевные потрясения довели ее до болезни, и она умерла.

Остается удивляться, как под всеми жестокими ударами судьбы этот прекрасный человек не сломался, сохранил достоинство и самоуважение, не опустил, как многие другие...

В те дни, о которых я повествую, в лагере произошло событие, которое потрясло нас всех. Как-то раз заключенные, вернувшись после тяжелого трудового дня, принесли с собой птенца, у которого было сломано крыло. Зэки соорудили для него подобие гнездышка, подкормили и дали ему воды. Назавтра, едва рассвело, мы увидели, как над лагерем кружит пара журавлей. Это, должно быть, были родители того птенца. Это повторялось каждое утро — птицы прилетали, кружили над лагерем, когда высоко, когда пониже, и звали своего детеныша. Большой птенец, услышав их, отвечал им, несколько раз пытался взлететь, но не мог. Так прошло лето. Наступила осень, и птицы стали готовиться к отлету в теплые края. Большой птенец отчаянно пытался взлететь, но со сломанным крылом птица лететь не может... Тогда мы посадили его на крышу барака в надежде, что оттуда ему будет легче взлететь. Но когда он попытался догнать улетающую стаю, он упал на землю и разбился. Был воскресный день, выходной, и все это произошло на наших глазах...

Мы выкопали ямку, похоронили нашего птенца, положили на могилку камень и стояли вокруг нее в полном молчании, будто провожали в последний путь близкого друга.

В тот день мы, я и Вуля Мирлин, не отходили от Хананьи Губеля ни на шаг. Его, отсидевшего в сталинских лагерях почти 20 лет, случившееся потрясло до глубины души. В тот день я сочинил стихотворение «Птицы летают свободно»...

Тайшет — Братск, лагпункт 033, 1954 год.

С Шолом-Алейхемом в сибирском лагере

Есть такая еврейская пословица: «Лучше не знать, к чему можно привыкнуть». Я с ней не согласен. В течение всей моей долгой актерской жизни мне доводилось декламировать Шолом-Алейхема перед разной аудиторией, я выступал и в больших концертных залах, и в полях перед еврейскими колхозниками Советского Союза. Но что мне придется развлекать еврейских политзаключенных в сталинских лагерях — такого я и во сне не мог представить.

И вот настал 1949 год, когда был ликвидирован Биробиджанский государственный еврейский театр, в котором я работал актером и режиссером почти 15 лет. Меня вместе с группой биробиджанских еврейских писателей арестовали и сослали в лагерь строгого режима, обвинив нас в сионизме и буржуазном национализме.

Я попал в лагерь №033, в котором находилось более пятисот заключенных. Среди них было немало евреев, обвиненных в тех же «преступлениях», что и я. Были там и

---

¹ Группа из трех или более взрослых евреев, совместно произносящих послетрапезную молитву.

троцкисты, и бухаринцы, и социалисты-меньшевики, и анархисты, и националисты, и ... коммунисты. Да, да, старые коммунисты-ленинцы, которые сидели уже по второму-третьему разу. К примеру, харьковский профессор Исаак Дашковский, который еще в 1920-е годы написал книгу о советской экономике, а позже не угодил Сталину; был там ленинградский профессор Виктор Штейн, который вместе со старым коммунистом профессором Бардиным служил в советском представительстве у Чан Кайши. Были среди нас и два крупных «террориста», которые пытались убить Сталина. Одного из них звали Абрам Шмеркович Марголин, профессор из Москвы. Второго — Айзик Шмеркович Шлахтман, сапожник из Бердичева. В чем заключалась их попытка убить Сталина? А вот в чем: московского профессора угораздило где-то ляпнуть, что не мешало бы Сталину отправиться вслед за Гитлером. То же самое сболтнул кому-то бердичевский сапожник. Органы квалифицировали сказанное как «попытку», и впяли обоим по 25 лет. Оба случайно попали в один лагерь, и здесь к ним быстро прилипло прозвище «два Шмерковича». Был у нас еще один любопытный тип — Наум Флискин, учитель из Кишинева. Во время войны он оказался на территории СССР. Вернувшись после войны в Бессарабию, узнал, что вся его семья погибла. Тогда он решил отыскать свою единственную сестру, которая жила где-то в Соединенных Штатах. Этот наивный человек поехал в Москву, в американское посольство, чтобы попросить их найти его сестру. Было это в самый разгар холодной войны, когда москвичи дрожали от страха даже проходя мимо американского представительства. Ясное дело, когда Наум Флискин вышел из посольства, его тут же подхватили под белы ручки и стали требовать признания в том, что он американский шпион. Коротко говоря, попытка найти единственную родную душу стоила ему 15 лет лагерей строго режима. Кстати, сейчас Наум живет в Израиле, в Сдероте.

Среди лагерников были интересные личности, евреи и неевреи, например, представитель палестинской коммунистической партии в Коминтерне Иосиф Бергер-Барзилай; представитель австрийского коммунистического союза в Коминтерне Карл Штайнер; несколько видных сионистских деятелей, среди них мой дорогой друг Вольф Мирлин...

Когда я попал в лагерь №033, сидевшие там евреи приняли меня дружелюбно. А когда узнали, что я еврейский актер, да к тому же из БирГОСЕТа, я и вовсе стал важной персоной. И так как по натуре я оптимист, я решил подбодрить товарищей по несчастью, немного развеселить их. Днем, когда мы работали, и вечером, в бараке, я рассказывал им анекдоты, веселые истории, а главным образом — пересказывал Шолом-Алейхема, которого помнил наизусть. Конечно, это было непросто, нам приходилось прятаться где-нибудь в уголке, чтобы надзиратели не заметили. Я собирал небольшие группы по три-четыре человека и тихонько рассказывал им смешные истории, а они тихонько смеялись. Я читал им по памяти Шолом-Алейхемовские рассказы «Менахем-Мендл», «На теплые воды», «Третьим классом», «Берл Айзик» и другие.

Больше всего им нравился рассказ «Шестьдесят шесть», который я рассказывал в своей интерпретации. Многие из вас помнят эту историю, как два еврея едут зимой в вагоне третьего класса, и захотелось им сыграть в карты, в «шестьдесят шесть». Но разложить карты негде, вагон битком набит. Вдруг видят они, что на нижней полке растянулся толстый монах, лежит лицом вниз и, прощу прощения, попой кверху, и храпит на весь вагон. Переглянулись два еврея и сообразили: монах «жирный, гладкий, откормленный, тулуп мягкий, — сам бог велел на таком сыграть в «шестьдесят шесть». Недолго думая раскладывают они карты «у монаха на этом самом месте — и пошла игра».

И вот ходит первый игрок десяткой крести. А у второго игрока на руках туз крести, но он хочет «позабавиться» и не спешит ходить. И тут вмешивается один еврей, который стоит за спиной у второго игрока и видит его карты: выхватывает у него из рук туза крести, бьет со всего маху по колоде карт, лежащей на спине у монаха, и орет: «Крыто!» Что было дальше, нет нужды рассказывать. Монах тут же проснулся и принялся вопить: «Эх, так вас растак! Жиды проклятые! Вот я сейчас к жандарму да отстучу депешу министру внутренних дел! И самому Пуришкевичу, так вас растак, жиды проклятые!»

И мои слушатели катаются со смеху от удовольствия... Но смеются они тихо, чтобы не привлечь внимания. В монахе, в этом образе, они видят своих надзирателей, от которых немало натерпелись. А я, еврейский актер, счастлив, что вижу их смеющиеся, улыбающиеся лица. Такими их делает наш великий Шолом-Алейхем.

Глядя в благодарные глаза и чувствуя теплые рукопожатия моих товарищей по несчастью, я чувствую большое творческое удовлетворение, и это было для меня самой высокой наградой, которую я когда-либо получал за мою актерскую деятельность. В самые страшные моменты нас поддерживал и утешал наш великий Шолом-Алейхем.

Вспоминая с радостью

Зима 1959 года. Уже три года я живу в Риге. Я снова вместе с женой и сыном!

Мы с женой, певицей Беллой Аронес, выступаем с концертами художественного слова и еврейских народных песен. Среди наших друзей в Риге — еврейская актриса бывшего Рижского еврейского театра Мирьям З. Поскольку еврейского театра больше не существует, Мирьям решает перебраться к своим родителям в Киев. Перед отъездом она устроила прощальный вечер, на который пригласила нас с Беллой. Но так как в тот вечер моя жена была занята, я отправился на проводины один.

Пришел я с небольшим опозданием, когда все гости уже были за столом. Меня посадили рядом с женщиной, которая тоже опоздала на этот вечер. Как водится в таких случаях, нам налили «штрафную». Передо мной сидела молодая красавица в элегантном платье и с очаровательной улыбкой.

Мы обменялись парой фраз. Я заметил, что по-русски она говорит с акцентом. Разговор не клеился — женщина была мне незнакома, а в Советском Союзе с незнакомыми лучше разговаривать как можно меньше... И вдруг она говорит:

— Смотрю я на вас, и мне кажется, что я вас уже где-то видела.

— Не знаю, — отвечаю я, — где бы вы могли меня видеть.

— Но ваше лицо мне очень знакомо, — говорит она после небольшой паузы.

Я грешным делом подумал, не пытается ли она со мной флиртовать? Может, из-за приглушенного света она не видит, сколько мне лет?

— Прошу, скажите, — обращается ко мне красавица, — знаете ли вы тех-то и тех-то? — и называет несколько фамилий.

— Нет, — говорю, — с этими людьми я незнаком.

Мне стало подозрительно, что это она так пристально смотрит на меня и утверждает, что мы знакомы.

— Как вас зовут, — спрашиваю я ее.

— Камилла, — отвечает она.

— Камилла?.. Камилла... Знал я одну Камиллу, но в том месте, где мы познакомились, вы не могли быть.

— А если я и есть та самая Камилла? — спрашивает женщина.

— Если вы та самая Камилла, то назовите мне своих подруг...

Она назвала несколько имен, но они мне ни о чем не сказали.

— Нет, — говорю я, — вы не та Камилла.

Мы оба замолчали. Я видел, как она напряжена. После короткой паузы она произнесла:

— Ну а Ривку Вертгейм вы помните?

Я покрылся мурашками, схватил ее за руку и почти закричал: «Камилла!»

Мы сидели в молчании и смотрели друг на друга. У нее в глазах стояли слезы, да и у меня к горлу подкатил комок...

Мы оставили шумную компанию и вышли на улицу.

Это была та самая Камилла, которые в тяжелые дни моей жизни поддержала меня дружеским словом, исходившем из ее большого сострадательного сердца. Как же я был рад, что сбылись ее пророчества. Мы оба танцевали на свадьбе моего сына, которая состоялась через год после описываемого события.

***

В 1962 году мы с Беллой провожали Камиллу в Израиль. Стоя на трапе самолета, она подняла руку и произнесла: «Леитраот! До свидания!» По целому ряду причин в то время это пожелание звучало для меня, как недостижимая мечта.

***

Весна 1972 года. Мы сидим в уютной квартире в Бат-Яме у наших замечательных друзей Фули и Мордехая Найштот, которые помогли нам приехать сюда, в Израиль. Они пригласили нас к себе на наш первый Шабес в Израиле. Пригласили они и других наших земляков из Риги: Лейзера Подрядчика, Дину Ройткоп, Наума и Фриду Клейнштейн. На столе горят субботние свечи, которые мы видим впервые после полувекового перерыва. У нас хорошее настроение, мы ждем еще одного гостя. И вот раздается звонок, открывается дверь, и входит... Камилла.

Это наши дорогие родственники приготовили для нас сюрприз. Можете представить нашу радость.

Вот такие были наши три встречи с прекрасной женщиной, добрым, сердечным человеком Камиллой.

Биробиджан — Бней-Брак, 1978

Вместо послесловия

(фрагмент статьи, опубликованной в «Лецте найес» 09.12.77, автор И. Гольдкорн)

...Тотальное уничтожение еврейской культуры произошло, как известно, именно после Второй мировой войны, когда треть нашего народа была уничтожена нацистскими злодеями.

Файвиш Аронес вспоминает:

— Мы чувствовали в воздухе приближение конца. И пришел он 5-го октября 1949 года, когда было объявлено о ликвидации Биробиджанского государственного еврейского театра. Я думал: что делать? Как убежать? Ответ на эти вопросы я получил той же ночью, когда ко мне в дверь постучали сотрудники госбезопасности. Меня арестовали и увезли в Хабаровск. Сначала нас обвиняли в желании отсоединить Биробиджан от Советского Союза и присоединить к Северной Америке. Я спросил следователя — как это можно сделать географически, на что он ответил: «Вы что угодно способны повернуть». Позже они, видимо, поняли, насколько нелогичны эти обвинения, и нас осудили за «сионизм, буржуазный национализм и антисоветчину».

Он был осужден на 10 лет. Его жене Белле Аронес, тоже артистке БирГОСЕТа, удалось убежать и спрятаться у своей сестры в Ленинграде. Но ненадолго. Ее арестовали и два года мучали, пытаясь вырвать показания против мужа. После семи лет мучений в лагерях Файвиш Аронес был освобожден в 1956 году, после того как Хрущев открыл миру преступления «отца народов» Сталина.

— Говорят, что человек в жизни должен сделать три дела: родить сына, посадить дерево и написать книгу, — говорит Фавиш Аронес. — Можно сказать, я всего этого достиг. У меня, слава Богу, есть сын и внуки. Я посадил не одно, а десять деревьев в саду мучеников Сиона в Израиле, и даже написал книгу. По заказу Тель-Авивского университета я на днях закончил работу над «Историей Биробиджанского еврейского театра». В книге примерно 600 страниц. Но книга, которую я хочу издать, которая буквально лежит у меня на сердце, это сборник моих стихов, написанных в лагере. Их было около 40, но запомнил я только 24, а записал их впервые здесь, в Израиле.

Мы включили эти стихи в программу, которую поставили вместе с Беллой и назвали «Песни, спетые с ножом у горла». После освобождения из лагеря я встретился в Москве с Мойше Бродерзоном, который тоже только что вернулся из лагеря. Я рассказал ему о моих стихах и спросил, не сочинял ли он стихи в лагере и можем ли мы надеяться, что они когда-нибудь увидят свет. Мойше Бродерзон все еще не пришел в себя после отсидки. Он наклонился к моему уху и тихо проговорил: «Одно из этих моих стихотворений начинается со слов *«Я ношу в себе ненависть всего народа»*».

Не ради себя, а в память о тех деятелях еврейской культуры, которые умерли в советских тюрьмах и лагерях, я не успокоюсь, пока не издам эти стихотворения, чтобы они остались как свидетельства для следующих поколений.